

В.А. Валитова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

**СОВРЕМЕННОЕ БАСНОСЛОВИЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ
СЕМЁНОВОЙ**

Аннотация. На примере творчества Марии Семёновой рассматриваются две модели репрезентации славянской мифологии в современной литературе: реконструкция мифологической «действительности», когда «чудесное» не выходит за рамки мифологии, а описываемый мир приближен к реальности, и авторское мифотворчество, основанное на мифопоэтических воззрениях древних славян.

Ключевые слова: славянская мифология, фэнтези, репрезентация мифологии, массовая литература, историческая проза, авторское мифотворчество, русская литература, русские писатели.

Желание познать культуру и быт предков путем изучения сохранившихся верований захватило умы многих писателей еще в XVIII веке. И. Попов, Д. Чулков, Г.А. Глинка, А.С. Кайсаров и другие исследователи славянского «баснословия» (т.е. мифологии) предпринимали попытки реконструировать славянский языческий пантеон, что оказало огромное влияние на развитие теории мифа в русской науке: начала вырисовываться картина мифологической «действительности» славянского народа. «Пустоты» в этой картине авторы закрашивали на свой вкус, изучая доступные исторические источники и самостоятельно домысливая неизвестное, выстраивая, тем не менее, славянскую мифологию в стройную систему. В то же время элементы мифологии проникали и в художественную литературу, авторы основывали свои произведения на выстроенной «баснословиями» мифологической системе, распространяя среди читателей не всегда соответствующее истине «знание» о славянских предках (вроде «божеств» Услава и Зимцерлы, чьё происхождение и появление

на славянском Олимпе обязано ошибкам в прочтении и переводе «Повести временных лет»). До распространения в XIX веке сугубо научного подхода в изучении «баснословия» авторы-исследователи не видели в домысливании ничего плохого. При описании славянских древностей им важно было не достичь исторической точности, которой при условии отсутствия достаточного количества исторических источников было очень сложно добиться, а создать общий образ славянской старины, по богатству и красочности способный встать на одну ступень с античными пантеонами, а то и превзойти их.

История повторилась в 90-х годах XX века, когда российский книжный рынок захлестнул поток зарубежной массовой литературы в жанре фэнтези. Многие русскоязычные авторы, видя бесспорную популярность жанра, начали писать в том же стиле и жанре и нередко публиковали свои произведения под зарубежными псевдонимами, обеспечивающими коммерческий спрос. Вскоре в противовес западному фэнтези начал зарождаться и набирать популярность поджанр «славянского фэнтези», заинтересовавший российского читателя славянской мифологией. Немалую роль в этом процессе сыграла Мария Семёнова, которую называют «родоначальницей славянского фэнтези».

Семёнова с юности интересовалась скандинавской и славянской мифологиями, изучала документальные материалы и научные труды классиков и современников по мифологии древних скандинавов и славян, увлекалась этнографией. Первые произведения Семёновой, написанные в период 1980–1989 гг., основывались на скандинавской и славянской мифологии и причислялись автором к жанру исторических повестей и романов, но в публикации им отказывали вплоть до 1989 года, когда ленинградское издательство «Детская литература» выпустило иллюстрированный сборник «Лебеди улетают», включавший «скандинавские» повести «Хромой кузнец», «Орлиная круча» и рассказ «Два короля», и «славянские» повести «Лебеди улетают» и «Ведун». Ни эта публикация, ни выпущенная в 1992 г. повесть «Пелко и волки» не принесли автору известности, остальные «исторические» произведения

по-прежнему не вызвали в издательствах интереса. В 90-е годы Семёнова под псевдонимом «Гая Трубицына» зарабатывала на жизнь литературными переводами зарубежной массовой литературы в жанре «фэнтези», в большинстве своем – от авторов-последователей Дж.Р.Р. Толкина, из года в год наблюдая, как благодаря необыкновенной популярности жанра активно раскупаются даже произведения с очень сомнительными литературными достоинствами. По выражению Семёновой, в ней «возмущился этнограф»: даже русскоязычные авторы-современники на волне успеха жанра «брали себе "зарубежные" псевдонимы, да и писали всё на тот же западный лад – о драконах, эльфах и гоблинах», в то время как «богатейший родной материал» [Семёнова 2000: URL], на основе которого тоже можно было писать фэнтези, только со «славянским уклоном», оставался никому не интересен.

Результатом «возмущения» стал роман «Волкодав» – в жанре фэнтези, но основанный не на западной, а на славянской мифологии. Он был начат в 1992 г., окончен в 1995 г. и в том же году опубликован издательством «Азбука». Роман заполнил определенную нишу читательского интереса и принес Семёновой известность, на волне которой были переизданы уже опубликованные исторические повести и рассказы, а также выпущены в печать и другие произведения автора, написанные годами ранее и прежде никому не известные. Это исторические романы на основе славянской и скандинавской мифологий «Валькирия» (1995 г.) и «Лебединая дорога» (1996 г.), исторические повести на основе скандинавской мифологии «С викингами на Свальбард» и «Сольвейг и мы все» (1996 г.), «мифологические» романы «Девять миров» (художественный пересказ скандинавских мифов) и «Поединок со змеем» (художественное изложение воссозданных по научной литературе славянских мифов), а также популярный очерк «Я расскажу тебе о викингах» (все – также 1996 г.). В 1997 г. была опубликована книга «Волкодав. Право на поединок», продолжение казалось бы законченного сюжета романа «Волкодав», открывшее серию из пяти романов, и популярная энциклопедия «Мы – славяне», впоследствии переизданная под

названием «Быт и верования древних славян», работа над которой велась параллельно с написанием романа «Волкодав» и обусловила его создание. По мнению Семёновой, эта энциклопедия является главной в ее творчестве и больше прочих заслуживает «долгой жизни», поскольку переводит на язык массового читателя многочисленные научные труды ученых, изучавших славянские древности, и тем самым популяризирует культуру древних славян, прежде в массовом сознании считавшуюся «малоизученной» [Линчевский 2003: URL].

На момент выхода энциклопедии в печать Семёнова уже была не только известным, но и очень популярным автором, больше знаменитым, однако, как «родоначальник славянского фэнтези», чем как писатель «исторической» прозы, несмотря на то, что к «фэнтези» однозначно можно было причислить лишь романы серии «Волкодав» (на 1997 г. были изданы две книги: «Волкодав» и «Волкодав. Право на поединок»; в период 2000–2004 г. написаны и опубликованы еще три: «Волкодав. Истовик-камень», «Волкодав. Знамение пути», «Волкодав. Самоцветные горы»). Эта громкая слава сохраняется за Семёновой до сих пор, заставляя многих исследователей современной прозы причислять все ее произведения к массовой литературе, недостойной серьезного интереса научного сообщества. Между тем творчество Семёновой заслуживает пристального внимания хотя бы тем, что автор, во всех своих произведениях придерживаясь единой тематики (славянская и скандинавская мифология), работала в разных жанрах и направлениях. Это не только прославивший её жанр массовой литературы «фэнтези», но и научно-популярная, и историческая проза, и литературная реконструкция мифа – творчество Семёновой фактически повторяет деятельность «баснословов» конца XVIII–нач. XIX вв., которые параллельно с попытками воссоздать славянскую мифологию как систему в научно-популярных трудах использовали свои же наработки как основу при создании художественных произведений о вымышленных славянских богатырях – своего рода «фэнтези» XVIII–XIX веков.

Репрезентация мифологии в современном художественном произведении чаще всего происходит по двум

моделям: реконструкция мифологической «действительности» и авторское мифотворчество, основанное на мифопоэтических воззрениях древних народов.

Реконструкция мифологической «действительности» определяется по следующим трем приметам:

1. Описываемый мир приближен к реальному и «заселён» существующими или когда-то существовавшими в реальности народами. Автор воссоздает историю и географию по историческим источникам либо не сообщает о них прямо, предоставляя читателю угадать народ-прототип по именам персонажей и описанию их быта.

2. Мифология вымышленного мира по большей части совпадает с тем, что знакомо читателю: персонажи верят в тех же богов и соблюдают те же правила взаимодействия с «чудесным», что и народ-прототип. Автор может добавить в сюжет некую новую информацию о верованиях описываемого народа («додумать» неизвестное, сгладить спорные моменты и т.д.), но не может выйти за рамки возможного в данной мифологической системе.

3. Автор может ввести в повествование элементы фантастического, однако они также должны действовать в рамках мифологической системы и не нарушать психологическую достоверность описываемого мира.

Авторское мифотворчество, основанное на мифологии какого-либо народа, характеризуют следующие черты:

1. Описываемый мир существенно отличается от реальности. Автор «населяет» его народами, которые никогда не существовали в действительности, составляет историческую и географическую систему, которые не имеют ничего общего с историей и географией реального мира. Однако в описании быта этих народов читатель может узнать народ-прототип.

2. Теогоническая система вымышленных народов основывается на верованиях народов-прототипов, но не повторяет их полностью. Различия могут быть существенными, когда читатель узнаёт прототип с трудом или не узнаёт совсем, или незначительными, когда несовпадение наблюдается лишь в деталях. Описываемый мир могут населять «чудесные»

существа, не обязательно вписанные в рамки какой-либо мифологической системы (более того, автор может не только заимствовать их из других систем, но и придумывать новых).

3. Элементы фантастического не имеют никаких рамок и зависят только от авторской фантазии.

В творчестве Семёновой ко второй модели относятся романы серии «Волкодав». К первой – все «исторические» произведения (для анализа возьмём романы и повести, основанные на славянской мифологии: «Валькирия», «Ведун», «Лебеди улетают», «Пелко и волки»).

Произведения, относящиеся к первой модели, несмотря на цельные сюжеты, являются самостоятельными частями одного целого: их связывают общие персонажи, приблизительно одинаковое время (разница в пределах десяти-пятнадцати лет) и место действия. Сюжеты разворачиваются в едином мире на фоне исторического события, подтвержденного Никоновской летописью: повествование о восстании новгородцев под предводительством Вадима против Рюрика в 860-е годы. Скучное освещение события в летописи позволило Семеновой «развернуть» сюжет на своё усмотрение, не противореча историческим фактам, что в глазах читателя приближает мир повествования к реальному. География повествования проработана очень тщательно (по описанию и названиям озер, рек, городов и живущих вокруг них различных народностей можно составить карту). Поскольку она основана на исторических и этнографических исследованиях и не выходит за рамки географии реального мира того же временного периода, то может вызвать вопросы только у специалиста-медиевиста. Среднего же читателя она может ненавязчиво познакомить с предметом повествования, а уже знакомого с ним лишний раз убедит в достоверности представленных событий. То же относится к быту и культуре описываемых народов и народностей, а также к мифологической системе: известные по научным исследованиям факты даются в тексте без искажений, спорные автор вводит, выбрав за истину одну из нескольких точек зрения (например, отношение к Макоши как к великой словенской богине, хозяйке судеб, покровительнице

рукодельниц), неизвестное аккуратно домысливает. Если учесть, что время произведений соответствует IX веку, о котором среднему читателю известно очень мало, реконструирующий действительность художественный текст не только развлекает, но и обучает. Новую информацию о мире автор гармонично переплетает с известной любому современному читателю, что позволяет последнему поставить себя на место одного из персонажей, прибывшего, может быть, из другой местности, но не из другой действительности. Описание верований, быта и обычаев даётся либо как фон для сюжетного поворота («Добывать же омелу лучше всего в купальскую ночь, когда русалки покидают реку, а девушки с распущенными косами кружатся в священной пляске» [Семёнова 2003а: 447]), либо как сравнение двух похожих («У них там репу тоже сеяли раздевшись, затем чтобы земля приняла женскую силу и хорошо родила» [Там же: 41]) или непохожих народов («А и правду сказать, смешное сватовство было у этих словен!» [Семёнова, 2003б: 303], «Сундук был устроен по-весски, кадушкой, не пропадет и в пожаре, повалил на бок да выкатил...» [Семёнова 2003а: 50]). Даже если главный герой принадлежит народности, о которой читатель не имеет представления, в его окружении вскоре появляется персонаж, чьи обычаи, верования и поговорки читатель легко узнает (боярин Вышата отказался продать урманскому княжичу рабыню Смирёнку: «дал уразуметь, что ему, Видге, Смэрны... как это здесь говорили, что-то насчёт своих собственных ушей» [Семёнова 2003в: 291]).

В описания быта вплетается фантастическая составляющая: не вера людей в существование домовых и леших, а знание формул, что нужно говорить и делать, чтобы мирно с ними соседствовать – знание того же уровня, что и правила дорожного движения для современного человека («Позаботился вселить доброго Домового: не поспешил на жертву, привел гнедого коня и зарыл его голову под красным углом, попросил незлобивую душу пойти жить в строение» [Семёнова 2003а: 96]).

Легенда или миф подается персонажами с уточнением: «Люди рассказывают», «Это было давно», и никто не позволяет

себе усомниться в том, что рассказанное – правда. Тем не менее, фантастические элементы не переводят произведение за грань «чудесного», поскольку каждому «чуду» можно дать объяснение, соответствующее системе координат нашей реальности. Читатель сам выбирает, погружаться ли ему в реконструированный мир и становиться его «жителем», или оставаться сторонним наблюдателем, способным понять подоплеку многих верований. Если же верование «дает сбой», персонаж, а с ним и читатель, который предпочел «погрузиться» в описываемый мир, находит удобное для себя объяснение: «Вещий хлебушко лег славно, верхней корочкой кверху – к мальчишкам <...> но первенца подменили у матери в животе, и родилась я. Дядькины сыновья долго потом не желали считать меня за сестру, дразнили – ведьмин подкидыш...» [Семёнова 2003а: 14].

Романы серии «Волкодав», созданные по второй модели репрезентации мифологии, напротив, даже не предполагают, что читатель может поверить в существование описываемого мира. И хотя для любителей фантастики оставлен намёк на то, что мир «Волкодава» – это населенная планета далекой звезды, до которой в будущем можно будет долететь на космическом корабле (как это сделал «мудрец» Тилорн, чье «не местное» происхождение выдают современные нам познания и непонятная местным лексика вроде «сенсоры», «материальный», «дезинфицировать»), воспринять его всерьёз невозможно. Время примерно соответствует раннему средневековью, география полностью выдумана автором, что типично для жанра фэнтези. Мир вымышлен, но при этом правдоподобен, поскольку детально проработан. Населяющие его народы никогда не существовали в реальном мире, однако у них есть прототипы, легко угадываемые читателем по одной-двум узнаваемым чертам (золотоволосые арранты – ученейший в мире народ, воспевающий красоту тела; сольвене «говорили «малако» и «карова» и глумливо морщились, слушая веннское оканье» [Семёнова 2004: 80]; «Как все вельхи, он наголо брил подбородок, и только пышные усы спадали до самой груди» [Там же: 312]; смуглые темноволосые халисунцы носят

просторные рубахи и шаровары; темнокожие жители Мономатаны живут племенами и разводят слонов и т.д.).

При общей схожести некоторых внешних особенностей, однако, значительно отличаются мифологические системы. Венны – народ, к которому принадлежит главный герой – молятся богам, по описанию похожим на некоторых богов древних славян, однако у них нет привычных нам имён: похожего на Перуна бога грозы, зарубившего Змея топором, называют Повелителем Грозы; кроме него, почитают Мать-Землю и Отца-Небо. При этом представители низшей мифологии читателю знакомы и привычны и носят те же имена: Домовой, Водяной, Леший и т.д. Харюки, живущие глубоко в лесу, напоминают карелов и поклоняются Прародителю, которым считают медведя. Похожие на скандинавов сегваны почитают не только «длиннобородого Храмна», по описанию напоминающего Одина, но и множество других богов и богинь, чьи «прототипы» узнать уже не так легко. Есть и аналог христианства – молодая, недавно зародившаяся религия, чьи проповедники ездят по городам, рассказывая о едином Боге, явившемся людям в облике Близнецов, и используя для обращения других в свою веру не всегда мирные и честные методы. У многих других народов, населяющих мир «Волкодава», теогоническая система не имеет легко узнаваемых прототипов (в поклонении Священному Огню можно лишь предположить верования зороастрийцев, в поклонении Алой Матери, Небесной Госпоже Нгуре - верования Бали и Индонезии и т.д.), хотя сами народы придерживаются обычаев, которые современный читатель легко «угадает», даже если главному герою (чьими глазами читатель часто смотрит на происходящее) они кажутся странными и чуждыми.

Вера народов в различных богов дополняется неперменной для жанра фэнтези магией, у каждого народа своей. Фантастическое присутствует в мире «Волкодава» как часть обыденной жизни, органично вписываясь в мифологические системы разных народов: так как у веннов верят, что на третью ночь после смерти мертвецы придут мстить своему убийце, убитые Волкодавом люди действительно

приходят – к изумлению и ужасу его спутников, в чьих народах подобного верования нет.

Как магия в этом мире является одним из законов бытия, так и легенды являются историей – не только для персонажей, как при реконструкции мифологической действительности, но и для читателя – поскольку «чудесное» никак не отделено от реального. Волкодав не просто знает, что его род пошел от серого пса, спасшего женщину от волков. Он, последний представитель умершего рода, занимает «должность» собственного прародителя и повторяет легенду, возрождая род к жизни.

Оба мира – «исторический» мир славян и варягов и фэнтезийный мир «Волкодава» – кропотливо продуманны, тщательно выписаны и населены персонажами с живыми правдоподобными характерами. Главные герои принадлежат народам, знакомым и близким читателю по обычаям и верованиям, а мифологические системы произведений опираются, в первую очередь, на славянскую мифологию. Но в зависимости от того, какую часть этих систем составляет информация, добытая автором в научных изданиях, а какую – плоды авторского воображения, можно говорить о двух моделях репрезентации мифологии в современной литературе: о реконструкции мифологической «действительности» или об авторском мифотворчестве, основанном на мифопоэтических воззрениях древних народов. В отличие от авторского мифотворчества, почти полностью зависящего от фантазии автора, реконструкция мифологической «действительности» требует четкого следования правилам модели. Психологическая достоверность мира даёт возможность читателю поверить в то, что описанное в книге не просто приближенно к реальности, а является или являлось реальностью. Подобное произведение – если автор ставил перед собой такую цель – способно не только развлечь и заинтересовать читателя, но и обучить его чему-то новому, что мы и можем наблюдать на примере исторических произведений Семёновой. К сожалению, тот же пример демонстрирует нам, что репрезентация мифологии по модели реконструкции далеко не так популярна среди массового

читателя, как репрезентация той же мифологии, но по модели авторского мифотворчества.

Литература

Линчевский И. Валькирия. Интервью с Марией Семёновой (2003) [Электронный ресурс]. URL: <http://semenova.olmer.ru/int/int12.shtml> (дата обращения: 07.11.2016)

Семёнова М. Автобиография (2000) [Электронный ресурс]. URL: <http://semenova.olmer.ru> (дата обращения: 10.11.2016)

Семёнова М. Валькирия: роман. М. ; СПб. : АСТ ; Азбука, 2003а.

Семёнова М. Викинги : сб. СПб. : Азбука, 2003б.

Семёнова М. Волкодав: роман. СПб. : Азбука-классика, 2004.

Семёнова М. Лебединая дорога : ист. роман. М. ; СПб. : АСТ ; Азбука-классика, 2003в.

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

В.В. Петров

*(Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия)*

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ ФАНФИКШН

Аннотация. В данной статье рассматриваются пределы вариативности в литературе фанфикшн внутри неизменных повествовательных моделей, анализируется связь вариативности в фанфикшн с вариативностью в фольклорных текстах. Исследование проводится на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а также ряда основанных на нём фанфиков.

Ключевые слова: фанфикшн, нарратив, нарративные схемы, русская литература, русские писатели, повествовательные модели.